

DOI: 10.18503/1992-0431-2020-2-68-135–150

РИМСКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ «МАЛЫХ» РИМСКИХ ИСТОРИКОВ IV ВЕКА

Д.В. Кареев

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
dima75ru@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка осветить начальный этап военного конфликта Римской империи и Новоперидского царства с точки зрения представителей так называемой «малой» языческой историографии IV века. Анализируются исторические сочинения Евтропия, Руфа Феста, Секста Аврелия Виктора, автора «Эпитом из Цезарей». Их труды подвели своеобразный итог римской традиции исторической мысли, демонстрируя способ краткой и емкой характеристики исторических событий. Сюжеты, которые наиболее интересовали читателей их произведений, касались преимущественно войн, правителей и армии. Поэтому наиболее острой проблемой историографии того времени была проблема внешней политики Рима, особенно на восточном ее направлении. В брeвиариях Феста и Евтропия и в биографиях Аврелия Виктора и автора «Эпитом из Цезарей» историческая канва данного конфликта изложена максимально последовательно, и о некоторых событиях мы узнаем только из текстов этих произведений. Специфика данной исторической литературы заключалась в ее историко-дидактической направленности. Брeвиарии и биографии были задуманы как своеобразное наставление для римских императоров, призванные продемонстрировать на исторических примерах прошлого, как следует поступать правителям в своей деятельности. Историки показали прием краткой и емкой характеристики исторических событий, в основном политических, и дали морально-этическую оценку главным действующим лицам римской истории. Все авторы писали о римско-персидских войнах III–IV вв. с ярко выраженной национальной гордостью и исходили из идеи абсолютной уверенности в главенстве Рима над всем миром. Причины, по которым Рим захватывает все новые и новые области и государства, не требуют какого-либо подробного объяснения—это просто способ его существования и выживания среди других народов.

Ключевые слова: Римская империя, Персия, Евтропий, Руф Фест, Секст Аврелий Виктор, «малая» римская историография

Римская историография конца III—начала V вв. н.э. — это в значительной мере литература «малых» форм; компендиев, эпитом и кратких морализаторских биографий. Такое обстоятельство подчас служит в пользу широко распространенного мнения о вторичности этой литературы и ее зависимости от своей источниковой

Данные об авторе: Кареев Дмитрий Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент, декан социолого-психологического факультета Ивановского государственного университета.

базы, следствием чего является тезис об отсутствии у римских историков того времени оригинальной исторической концепции и своего собственного видения истории. «Жалкими эпитомами» назвал произведения позднеримских историков английский исследователь Рональд Сайм¹. «Новый правящий класс Римской империи после социального и политического кризиса III в. н.э. определенно испытывал трудности в области знаний о прошлом римской истории», – утверждает Арналдо Момильяно². Компенсировать эти недостатки были призваны всевозможные компендиумы и эпитомы, столь широко распространившиеся в эпоху Поздней Империи, где информация была предельно сжатой и неглубокой, что полностью отвечало духу того времени. В условиях кризиса III–IV вв. верховная власть зачастую переходила к узурпаторам. При таких условиях не складывалось никакой традиции, невозможна была никакая преемственность между монархами. Вполне понятно было желание новых правителей узнать прошлое государства, чтобы использовать исторический опыт для сохранения доставшегося им высокого положения. Читать древних авторов они не умели. Поэтому и нужны были какие-то пособия, предельно краткие и выразительные³.

Современная историография, как отечественная, так и зарубежная, рассматривает всю позднеримскую литературу исключительно в рамках двух жанров: сжатый компендий, бревиарий, направленный на освещение всей истории Римского государства, и занимательная биография. При этом факты, излагаемые в бревиариях, анализировались только лишь с точки зрения реальных исторических событий истории Рима или в сравнении с другими «малыми» римскими историками. Вопрос об особенностях восприятия римской истории самими писателями, как правило, остается вне поля зрения научного анализа. Когда же исследователи в силу тех или иных обстоятельств не могут избежать ответа на этот вопрос, то они обычно ограничиваются или констатацией полной зависимости историка от своей источниковой базы или ссылаются на выполнение им некоего политического заказа⁴. «Политическим» заказом объясняется и потребность в бревиариях. Так, П. Шмидт видит значение бревиариев, главным образом, в том, что они давали простую и неглубокую информацию с ярко выраженной дидактической функцией⁵. При этом их главное назначение заключалось в том, что наряду с элементарными фактами из прошлого Рима, они давали необходимые знания и из области латинского языка и грамматики, столь необходимые для варваризирующейся правящей верхушки римского общества. Сюжеты, которые наиболее интересовали читателей, касались преимущественно войн, правителей и армии. Персонажи общественной или частной жизни упоминаются лишь кратких упоминаний, так же как и социальные и экономические феномены. Наиболее игнорируемыми в произведениях «малых» римских историков были вопросы о литературе и духовной жизни. По мнению В. Дэн Боера, приток во власть большого числа неграмотных и несведущих в области римской истории и культуры людей, главным образом военных, послужил причиной появления большого количества

¹ Syme 1968, 144.

² Momigliano 1977, 112.

³ Дуров 1993, 119.; Кареев 2004, 6.

⁴ Bird 1987, 139–151.; Bird 1975, 49–54; Кареев 1999, 30–42; 2004, 3–6; 2009, 21–25.

⁵ Schmidt 1988, 92–93.

«учебной» литературы – брeвиариев и занимательных биографий⁶. Попутно нидерландский ученый замечает, что в брeвиариях IV в. н.э. была чрезвычайно сильна пропагандистская и дидактическая традиция. Патриотическую тенденцию в позднеримской исторической литературе констатирует и Х. Бёрд, считающий ее неизбежной в эпоху дезинтеграции Римской империи⁷.

Поэтому наиболее острой проблемой затрагиваемой в произведениях «малой» римской историографии была проблема внешней политики Рима. Практически во всех брeвиариях и биографиях присутствуют сюжеты, связанные с войнами, как захватническими, так и гражданскими. Однако наиболее актуальным внешнеполитическим вопросом того времени был вопрос о взаимоотношениях Рима и Новоперсидского царства династии Сасанидов. Насколько это возможно, максимально подробно он рассмотрен в сверхкратком «Брeвиарии деяний римского народа» («*Breviarium gestarum populi romani*») Руфа Феста, а также в «Брeвиарии от основания Города» («*Breviarium ab Urbe condita*») Евтропия, в сочинении «О Цезарях» («*De Caesaribus*») Аврелия Виктора и в меньшей степени у безымянного автора «Эпитом из Цезарей» («*Epitome de Caesaribus*»). Необходимо отметить, что и в сжатых брeвиариях Феста и Евтропия и в кратких биографиях Аврелия Виктора и в «Эпитамах из Цезарей» историческая канва данного конфликта изложена максимально последовательно, и о некоторых событиях мы узнаем только из текстов этих произведений.

События, относящиеся к римско-персидским войнам III–IV века, и зафиксированные в произведениях «малой» римской историографии следующие:

- персидский поход императора Александра Севера 231–232 гг. (Fest., 22. 1; Eutr., VIII. 23; Aur. Vic. XXIV. 2);
- персидский поход императора Гордиана III 244 г. и его гибель (Fest. 22. 2; Eutr. IX. 2. 2–3; Aur. Vic. XXVII. 7; Epit. Caes. XXVII. 1–2);
- персидский поход императора Валериана 260 г., его пленение и гибель (Fest. 23. 1; Eutr. IX. 7; Aur. Vic. XXXII. 5; Epit. Caes. XXXII. 5–6);
- захват персами Месопотамии и победы Септимия Одената 262–266 гг. (Fest. 23. 2; Eutr. IX. 10);
- правление Зеновии и поход против нее императора Аврелиана 272–274 гг. (Fest. 24. 1; Eutr. IX. 13. 2; Aur. Vic. XXV. 1–2);
- персидский поход императора Кара 283 г. и его внезапная смерть (Fest. 24. 2; Eutr. IX. 18. 1; Aur. Vic. XXXVIII. 1–3; Epit. Caes. XXXVIII. 3);
- персидская кампания Диоклетиана и Максимиана Галерия 296–298 гг. (Fest. 25. 1; Eutr. IX. 22. 1; Aur. Vic. XXXIX. 22);
- первое неудачное сражение Максимиана Галерия с Нарсе (Fest. 25. 1; Eutr. IX. 24; Aur. Vic. XXXIX. 33–34);
- победа и триумф Максимиана Галерия над Нарсе (Fest. 25. 2–3; Eutr. IX. 25. 1; Aur. Vic. XXXIX. 34–35);
- мирный договор между Диоклетианом и Нарсе 298 г. (Fest. 14. 5, 25. 2; Aur. Vic. XXXIX. 36–37);
- победа римлян при Нарасапе (?) и убийство Нарсе, брата Шапура II 336 г. (Fest. 27. 2);

⁶ Boer 1972, 137–141.

⁷ Bird 1976, 150–151; 1987, 92–93.

- подготовка Константином Великим персидского похода 337 г. (Fest. 26. 1–2; Eutr. X. 8. 2; Aur. Vic. XLI. 15);
- «ночное» сражении императора Констанция II у Элии или Гилеи близ крепости Сингара 344 г. (Fest. 27. 3–4; Eutr. X. 10. 1);
- три осады Нисибиса персами 337/338 г., 346 г., 350 г. (Fest. 27. 2);
- персидский поход императора Юлиана 363 г. (Fest. 28. 1–2; Eutr. X. 16. 1; Epit Caes. XLIII. 1);
- гибель императора Юлиана (Fest. 28. 3; Eutr. X. 16. 2; Epit Caes. XLIII. 2–4);
- мирный договор императора Иовиана с персами 363 г. (Fest. 29. 1–2; Eutr. X. 17. 1–2).

Рассмотрим более подробно каждое из них. Создается впечатление, что все вышеперечисленные римские историки словно бы не заметили того политического переворота, который произошел в Парфии в начале III в., приведшего к разгрому правящей парфянской династии Аршакидов Ардаширом, и установлению новой персидской династии Сасанидов. Повествование о событиях на востоке Римской империи, связанных с многовековым конфликтом с парфянами никак не прерывается, чтобы зафиксировать приход к власти новой династии и создание нового государства. Неудивительно, что во всех произведениях наблюдается постоянная путаница парфян с персами. Более всего здесь точен Руф Фест. В его Бревиарии в соответствующих местах почти всегда упоминаются персы (21 упоминание), и только три раза персы спутаны с парфянами (14. 4; 22. 2; 28. 1), а один раз упоминаются даже вавилоняне (15. 1). Иная картина в Бревиарии Евтропия. В его историческом труде персы чаще всего смешиваются с парфянами (персы – 10 упоминаний, парфяне – 7 упоминаний). У Секста Аврелия Виктора персы упомянуты 9 раз, парфяне – 2 раза. У автора «Эпитом из Цезарей» – 3 упоминания персов и 1 раз упомянуты парфяне.

Событие, с которого единодушно почти все авторы начинают свое повествование о конфликте Рима и Новоперсидского царства – это военная кампания императора Александра Севера 231–232 гг. против шаханшаха Ардашира I. В отличие от современника тех событий Геродиана (Herod. III. 9. 1–12), Руф Фест (22. 1), Евтропий (VIII. 23) и Секст Аврелий Виктор (XXIV. 2) описывают этот поход как исключительно благоприятный для Рима, подчас используя одну и ту же лексику и допуская одни и те же ошибки:

Руф Фест	Евтропий	Секст Аврелий Виктор
Aurelius Alexander, quasi fato quodam in exitium Persicae gentis natus, iuvenis admodum Romani gubernacula suscepit imperii. Ipse Persarum regem nobilissimum Xerxem gloriose vicit. De Persis Romae pompa spectabili triumphavit.	Successit huic Aurelius Alexander, ab exercitu Caesar, a senatu Augustus nominatus, iuvenis admodum, susceptoque adversus Persas bello Xerxen eorum regem gloriosissime vicit.	Qui quamquam adolescens, ingenio supra aevum tamen confestim apparatu magno bellum adversum Xerxem, Persarum regem, movet.

У всех историков, видимо в пропагандистских целях и для преувеличения победы Александра Севера над персами, Ардашир везде назван Ксерксом, а у рим-

ского императора особо подчеркивается его молодость («iuvenis admodum» у Евтропия и Руфа Феста и «quamquam adolescens, ingenio supra» у Аврелия Виктора). Подробности этого похода отсутствуют, за исключением упоминания триумфа над персами у Руфа Феста (22. 1).

Следующим событием стал поход императора Гордиана III 243–244 гг. против Шапура I. Причиной этой войны с персами, с точки зрения Руфа Феста, стала молодость и самоуверенность принцепса («eius ex iuventutis fiducia» 22. 2), а также факт готовящегося вторжения со стороны самого Шапура I («rebellantes Parthi» у Руфа Феста (22. 2), «Parthis bellum intulit» у Евтропия (IX. 2. 2)). По мнению, Руфа Феста (22. 2) и Евтропия (IX. 2. 2), противник был разгромлен в грандиозных сражениях («ingentibus proeliis» и «proeliisque ingentibus» соответственно)⁸. Евтропий (IX. 2. 2) и Аврелий Виктор (XXVII. 7) отмечают, что Гордиан перед тем как отправиться на восток открыл ворота храма Януса Двуликого.

Здесь в двух случаях персы спутаны с парфянами (Fest. 22. 2, Eutr. IX. 2. 2), в одном случае они обозначены правильно (Aur. Vic. XXVII. 7) и один раз только подразумеваются, но никак не обозначаются (Eutr. Caes. XXVII. 1–2). Подробности этого похода также отсутствуют.

Абсолютно все историки описывают эту войну в восторженных тонах, заявляя о безоговорочной победе Гордиана. Однако обстоятельства гибели римского императора несколько различаются. Так, Руф Фест (22. 2), Евтропий (IX. 2. 3) и Аврелий Виктор (XXVII. 7) говорят о коварном убийстве Гордиана будущим императором Филиппом Арабом, и только безымянный автор Эпитом (XXVII. 2) упоминает еще и некое восстание солдат, возглавленное Филиппом («Apud Ctesiphontem a Philippo praefecto praetorio accensis in seditionem militibus occiditur anno vitae undevicesimo»). Место гибели римского императора также описано с небольшими вариациями. Так, согласно Фесту, Гордиан был убит при возвращении из Персиды («isque de Perside rediens victor»), Евтропий считает, что это произошло «недалеко от римской границы» («rediens haud longe a Romanis finibus interfectus est»), по мнению Аврелия Виктора убийство произошло «в походе» («Ibi gesto insigniter bello Marci Philippi praefecti praetorio insidiis periit sexennio imperii»). И вновь только автор Эпитом (XXVII. 3) более точен в географической локализации этого события и дополнительно называет еще Ктесифон («Apud Ctesiphontem a Philippo praefecto praetorio accensis in seditionem militibus occiditur anno vitae undevicesimo»), а также место похорон императора—«на границе римской и персидской империй; место это называется «Могила Гордиана» («fines Romani Persicique imperii positum nomen loco dedit Sepulcrum Gordiani»)⁹.

Политический кризис середины и второй половины III в. в Римской империи, т. е. эпоха правления т. н. «солдатских императоров» способствовали только обострению проблемы римско-персидских отношений, следствием чего стали неудачи Рима во внешней политике и территориальные потери. Отправной точкой стал разгром царем Шапуром I римского войска под командованием императора Валериана в 260 г. и пленение последнего, о чем в негативных тонах пишут все историки. Шапур I царствовал с 241 по 272 гг., и приходился сыном Ардаширу I,

⁸ Мирзоев 2016, 83.

⁹ Похожая информация содержится у авторов «Жизнеописаний Августов»: «У Цирцезийского укрепления в Персии войны устроили Гордиану могилу... с надписью...» (SHA. Gord. XXXIV. 2).

основателю державы Сасанидов. При Филиппе Арабе с ним был заключен мир, однако с 253 г. война была возобновлена, персы перешли Евфрат и вторглись в Сирию. Валериан в 258 г. выехал к восточным границам Империи, где добился некоторых успехов¹⁰. Однако весной 260 г. он проиграл сражение у Эдессы и попал в плен к персам¹¹. Это был первый и единственный случай в римской истории, когда император, потомок древнейшего римского рода, стал рабом варварского царя.

У Руфа Феста (23. 1) и Евтропия (IX. 7) отсутствуют подробности пленения и гибели Валериана. Сообщается только, что он в Месопотамии завязал сражение с царем «Сапором», был им побежден, захвачен в плен и состарился в неволе.

Руф Фест	Евтропий
In Mesopotamia adversus Persas congressus, a Sapore, Persarum Rege, superatus est: et captus in dedecore servitutis consenuit.	Valerianus in Mesopotamia bellum gerens a Sapore, Persarum rege, superatus est, mox etiam captus apud Parthos ignobili servitute consenuit.

Автор Эпитом более подробен в описании. Не называя персидского царя по имени, он пишет, что Валериан в Месопотамии также, был побежден и вскоре захвачен в плен (XXXII. 5), но при этом подробно рассказывает обстоятельства этого плена («Он состарился в позорном плену у парфян. В самом деле, до конца его дней царь той области, садясь на коня, всегда ставил ногу на его голову, заставляя его сгибать перед ним спину»; XXXII. 6).

У Аврелия Виктора описание похода и гибели Валериана наиболее отличается от описания других историков (XXXII. 5). Очередную войну с персами он характеризует как «затяжную и неудачную» («bellum per Mesopotamiam anceps diuturnumque instruit»), однако считает, что Валериан «попал в засаду, устроенную персидским царем по имени Сапор, и позорно погиб от множества ран в цветущем еще возрасте на шестом году правления» (XXXII. 5).

Вновь историки путают персов с парфянами. Так Евтропий (IX. 7) называет «Сапора» «царем персов», а дальше пишет, что император был «захвачен в плен парфянами». Ту же ошибку допускает и безымянный автор Эпитом (XXXII. 6), совпадая буквально в используемой лексике с текстом «Бревиария» Евтропия.

Евтропий	Эпитома «Из Цезарей»
Valerianus in Mesopotamia bellum gerens a Sapore, Persarum rege, superatus est, mox etiam captus apud Parthos ignobili servitute consenuit.	Valerianus vero in Mesopotamia bellum gerens, a Sapore Persarum rege superatus, mox etiam captus, apud Parthos ignobili servitute consenuit.

Последовавшие вслед за этим события только углубили внешнеполитический кризис, в котором оказалась Римская империя. Время самостоятельного правления Галлиена (260–268) стало временем правления т. н. «30 тиранов». В разных частях Империи римские легионы стали провозглашать императорами своих командующих, которые полновластно правили в провинциях и не подчинялись

¹⁰ Мирзоев 2016, 116–117.

¹¹ Мирзоев 2016, 120–128; Циркин 2015, 203–205.

Риму. Так император Галлиен вынужден был фактически признать независимость восточных провинций и захват Месопотамии Персией. Об этом факте сообщает только Руф Фест (23. 2), говоря, что «в правление Галлиена, персы, напав на Месопотамию, также начали заявлять свои претензии на Сирию, что было названо едва ли не постыдным...», и вскользь упоминает Аврелий Виктор («Месопотамию заняли парфяне»; XXXIII. 3).

Создавшееся положение дел попытался исправить Септимий Оденат, принадлежавший к одному из влиятельнейших родов Пальмиры, и с 258 г. носивший титул царя Пальмиры¹². Руф Фест (23. 2) называет его декурионом Пальмиры («*Odenathus, decurio Palmyrenus*») и мстителем за римлян («*quod mirum est dictum*»). И Фестом (23. 2) и Евтропием (IX. 10) особо подчеркивается тот факт, что Оденат восстановил границы Римской империи в Сирии «собрав под свою власть дикие племена» («*collecta Syrorum agrestium manu*»; Fest. 23. 2) и дошел вплоть до Ктесифона. Оденат добился важной для римлян победы над войсками Шапура I, отвоевал многие крепости в Месопотамии, вернул Риму города Нисибис и Карры. После этого Галлиен даровал ему титул «вождя Востока» и командование всеми восточными легионами¹³.

Успешные для римлян действия на восточном направлении были продолжены в 272–274 гг. Аврелианом, лишившим самостоятельности Пальмирское царство, которым управляла вдова Одената Зеновия (Fest. 24. 1; Eutr. IX. 13. 2). После убийства Одената в 267 г. она правила Пальмирой вплоть до 272 г. вместо своего малолетнего сына Вабаллата, официально признанного императором Галлиеном. Аврелий Виктор (XXXV. 1) считает, что это вообще была война против персов («*in Persas progressus est*»). Решающее сражение произошло «у Иммы, недалеке от Антиохии» (Fest. 24. 1), где Зеновия была захвачена в плен и проведена в триумфальном шествии Аврелиана в Риме перед его колесницей (Fest. 24. 1; Eutr. IX. 13. 2).

Закреплению успехов на Востоке способствовали и действия против персов императора Кара, захватившего «знаменитейшие города» Кокен и Ктесифон в 283 г. (Fest. 24. 2; Eutr. IX. 18. 1; Aur. Vic. XXXVIII. 1–3). Фест (24. 2) считает, что эта победа «считалась [полученной] свыше по воле богов» («*Cari imperatoris victoria de Persis nimium audax superno numini visa*»). Причина войны, по мнению Евтропия (IX. 18. 1), заключалась в некоем бунте, который произошел в Персии¹⁴, что стало удобным поводом для развязывания очередной военной кампании («*nuntiatio Persarum tumultu ad Orientem profectus res contra Persas nobiles gessit*»). Аврелий Виктор (XXXVIII. 1–3) причиной войны называет постоянные набеги персов на Месопотамию («*Numeriani comitatu in Mesopotamiam pergit protinus, quod ea Persarum quasi sollemni bello subest*»).

Все историки сходятся в одном, что император погиб от удара молнии.

¹² Циркин 2015, 339–340.

¹³ Мирзоев 2016, 149.

¹⁴ Мирзоев 2016, 314–315.

Руф Фест	Евтропий	Секст Аврелий Виктор	Эпитама «Из Цезарей»
Cum victor totius gentis castra supra Tigridem haberet, fulminis ictu interiit.	Et cum castra super Tigridem haberet, vi divini fulminis periit.	Ubi fuis hostibus, dum gloriae inconsulte avidior Thesiphonta urbem Parthiae inclitam transgreditur, fulminis tactu conflagravit.	Hic apud Ctesiphonta ictu fulminis interiit.

Единственное небольшое отличие в оценке событий содержится в тексте у Аврелия Виктора, считающего, что император Кар опрометчиво погнался за славой, захватив Ктесифон (XXXVIII. 3).

Однако подлинный успех у римлян был достигнут в правление Диоклетиана и его преемников, когда начался новый виток противостояния с персами.

Руф Фест (25. 1), Евтропий (IX. 24) и Аврелий Виктор (XXXIX. 34) пишут о первом неудачном для римлян столкновении с персами, произошедшем в конце 297 г. в Малой Армении у Аракса, в котором римскими войсками командовал Максимиан Галерий¹⁵. Евтропий (IX. 24) единственный кто локализует место битвы, говоря, что она произошла «между Каллиником и Каррами» («inter Callinicum Cargasque») и единственный кто оправдывает действия императора, который «проиграл более по необдуманности, чем по малодушию; ибо он завязал [сражение] с малым отрядом против многочисленнейшего врага» («cum inconsulte magis quam ignave dimicasset; admodum enim parva manu cum copiosissimo hoste commisit»).

Только у Феста (25. 1) и Евтропия (IX. 24) встречается эпизод с «унижением» Максимиана Галерия императором Диоклетианом после проигранного сражения, когда Максимиан был вынужден бежать за его носилками несколько миль¹⁶.

Руф Фест	Евтропий
Hic tanta indignatione a Diocletiano exceptus est, ut ante carpentum eius per aliquot millia passuum cucurrerit purpuratus.	Pulsus igitur et ad Diocletianum profectus, cum ei in itinere occurrisset, tanta insolentia a Diocletiano fertur exceptus, ut per aliquot passuum milia purpuratus tradatur ad vehiculum cucurrisset.

У всех трех историков присутствует описание битвы 298 г. Максимиана Галерия против Нарсе у города Нисибиса, которой дается самая положительная оценка. Руф Фест (25. 2) и Евтропий (IX. 25. 1) говорят, что сражение произошло в Великой Армении («in Armenia maiore»); напротив Аврелий Виктор (XXXIX. 34) считает, что Максимиан «пошел на врагов через Армению» («per Armeniam in hostes contendit»). Авторы бревиариев достаточно подробно излагают и ход этого сражения. Предварительно Максимиан по версии Феста (25. 2), получил «пограничные войска из Дакии» («limitaneis Daciae exercitu»), согласно Евтропию (IX. 25. 1) он собрал «войска в Иллирии и Мезии» («per Illyricum Moesiāque contractis copiis rursus»). Битве предшествовала разведка императора с двумя (Fest.

¹⁵ Ensslin 1940, 669–671.

¹⁶ Schwartz 1971, 157–163; Seston 1940, 515–519.

25. 2) или с двумя или тремя всадниками (Eutr. IX. 25. 1). Количество римских войск составляло двадцать пять тысяч против «неисчислимого полчища персов» («innumera Persarum» Fest. 25. 2). В результате персы были разбиты, сам Нарсе бежал в «отдаленные и необитаемые окраины своего царства» («ipsum in ultimas regni solitudines egit» Eutr. IX. 25. 1), а его жены, дочери и приближенные взяты в плен (Fest. 25. 3; Eutr. IX. 25. 1; Aur. Vic. XXXIX. 35). В 298 году был подписан мирный договор между Римской империей и Персией о котором достаточно подробно пишет Руф Фест. Этот договор упоминается в двух местах его Бревиария. В первом случае он пишет об общем состоянии дел в Месопотамии начиная с действий Луция Лициния Лукулла в 67 г. до н. э. (14. 5). Во втором случае речь идет о войне 296–298 гг. (25. 2). Согласно этому договору, заключенному сроком на 40 лет, была «возвращена Месопотамия, и по ту сторону Тигра восстановлена пограничная линия, так что пять племен за Тигром мы получили под свою власть [по] условиям [этого мира]. Условия договора жестко соблюдались, и он сохранялся [и] во времена божественного Константина» (Fest. 14. 5).

Также об этом договоре упоминает в общих чертах и Аврелий Виктор («часть земель, для нас более полезных, была приобретена; когда их упорно пытались у нас отнять, разгорелась новая война, тяжелая и очень опасная» XXXIX. 37).

Новый этап противостояния с персами начинается со второй половины 330-х гг. Какие-то военные действия начались еще в правление Константина Великого, поскольку Руф Фест говорит о некоей победе римлян при Нарасаре (27. 2)¹⁷ «где был убит Нарсес» («Narasarensi autem, ubi Narseus occiditur, superiores discessimus»). По данным Феста, Евтропия и Аврелия Виктора Константин под конец своей жизни готовил поход против персов, поскольку к 338 году истекал срок действия сорокалетнего Нисибисского договора и шаханшах Шапур II стал угрожать восточным границам Империи. Согласно Аврелию Виктору именно персы первыми нарушили условия мира, и Константину не оставалось ничего другого как начать войну с ними. По мнению историка, император умер «в походе против персов, о которых он слышал, что они начали войну» («in Persas tendens, a quis bellum erumpere osceperat» XLI. 16). Той же версии придерживается Евтропий (X. 8. 2), у которого в оригинальном тексте персы названы парфянами («Bellum adversus Parthos moliens, qui iam Mesopotamiam fatigabant»). Руф Фест в панегирическом стиле описывая последние годы жизни Константина, считает, что персы сами просили мира у императора, не решившись вступить с ним в открытое противостояние: «Под конец своей жизни, Константин, господин мира, подготовил поход на персов. Действительно, умирив народы по всему миру и недавно [отпраздновав] еще более славную победу над готами, он совместно с полчищами войск проник в Персию. При его приближении Вавилонские царства трепетали до такой степени, что к нему спешило умоляющее посольство персов, которые обещали выполнить [все его] приказание, но, однако они не были достойны прощения за постоянные внезапные набеги, которыми они атаковали Восток в правление Констанция Цезаря» (26. 1–2).

¹⁷ Существует мнение, что «Нарасара» это неправильно услышанное Фестом название горной речки, находящейся рядом с Элейей и ныне называемая Нахр-Гиран. См. Дмитриев 2010, 88; Peeters 1931, 10–47.

То есть в последний год жизни Константина Великого начинают предприниматься определенные шаги по организации масштабной кампании против Шапура II, о чем недвусмысленно сообщают практически все историки, но смерть императора в местечке Ахирона рядом с Никомедией 22 мая 337 г. помешала этому (Aur. Vic. XLI. 15).

Тем не менее, дальнейшие действия римлян против Персии не отличались особым успехом. Так, император Констанций II в 337–361 гг. вел с царем Шапуром II серию безуспешных пограничных войн. Подробности этих войн у наших историков отсутствуют, и только Руф Фест упоминает о трех осадах Нисибиса (27. 2).

Однако битвам у крепости Сингара Фест и Евтропий придают особое значение, поскольку в одном из этих сражений в 344 или 348 г. Констанций едва не одержал выгодную для себя стратегическую победу над царем Шапуром II (т. н. «ночное сражение под Сингарой»)¹⁸. По сути, это была единственная, относительно успешная битва императора в римско-персидских войнах 340–350-х гг., во всех остальных он терпел поражения (Eutr. X. 10. 1). И вновь, только в Бревиарии Руфа Феста (27. 1) мы встречаем упоминания о двух битвах у Сингары, битве у Сисарвы, загадочной битве у Сикгары и захвате Амиды («verum pugnis Sisaruena, Singarena et iterum Singarena, praesente Constantio, ac Sicgarena, Constantiensi quoque, et cum Amida capta est, grave sub eo principe respublica vulnus accepit»). Историк пишет, что это была «ночная битва у Элии близ Сингары» («Nocturna uero Eliensi prope Singaram pugna») и считает (27. 3), что она «могла бы быть событием [по значению] сопоставимым со всем походом» («omnium expeditionum compensatus fuisset eventus»). Более сдержан в своей оценке Евтропий (X. 10. 1), полагая, что «ни одна битва против Сапора не была удачной, кроме той, которую он мог одержать у Сингары» («nullumque ei contra Saporem prosperum proelium fuit, nisi quod apud Singaram haud dubiam victoriam ferocia militum amisit»).

Причиной проигрыша Констанция историки называют неудовлетворительное и вызывающее поведение солдат, не подчинившихся приказу своего военачальника. Евтропий считает (X. 10. 1), что это было «высокомерие воинов, которые возмутительно, глупо и вопреки закону войны вынудили его дать сражение уже на закате дня» («qui pugnam seditiose et stolide contra rationem belli die iam praecipiti poroscerunt»). По мнению Руфа Феста (27. 3) «сам император мог бы, взывая, удержать пылкое высокомерие солдат [стремящихся] в неподходящее время принять бой» («ab intempestivo pugnandi tempore imperator ipse alloquendo revocare potuisset»). При этом он даже называет их «инуици уирибус» (27. 4).

Ворвавшись в лагерь персов, римляне учинили там полный разгром. С точки зрения Руфа Феста (27. 4), подобные действия римских солдат были продиктованы поисками воды, из-за мучившей их жажды («improvisis adversum sitim aquarum subsidiis»). Однако, несмотря на, казалось бы, полное поражение, в дело вступили персидские лучники, размещавшиеся на холмах рядом с лагерем. Римляне «были заброшены тучей стрел», поскольку представляли удобную цель из-за света факелов, которыми они освещали свой грабеж лагеря персов («nimbo sagittarum obruti sunt, cum stolide ad dirigendos certius in se ictus lumina ipsi per noctem accensa praeberent» Fest. 27. 4).

¹⁸ О сражении у Сингары см.: Дмитриев 2010, 87–90; 2012, 77–86; Bury 1896, 304–305; Mosig-Walburg 1999, 330–384.

Следующее событие, подробности которого мы находим в произведениях Руфа Феста, Евтропия и безымянного автора «Эпитом из Цезарей» это персидский поход 363 г. императора Юлиана. Причина этой войны заключалась в стремлении к славе самого императора («Igitur Iulianus, redacta ad unum se orbis Romani curatione, gloriae nimis cupidus in Persas proficiscitur» Epit. Caes. XLIII. 1). Фест (28. 1–2) и Евтропий (X. 16. 1), рассказывая об этом событии в своих брeвиариях, вновь смешивают парфян и персов.

Наибольшее количество фактов об этой войне мы вновь обнаруживаем в Брeвиарии Руфа Феста. Так историк (28. 1) сообщает о подготовке продовольствия для похода «на враждебных парфян» и о переходе римской армии и флота через Евфрат («instructam commeatibus classem per Euphratem invexit»). На начальном этапе войны Юлиан захватил множество городов и крепостей персов, о чем сообщают и Фест (28. 1) и Евтропий (X. 16. 1), который говорит об опустошении римской армией Ассирии («Assyriamque populatus»). Затем император подошел к Ктесифону («in ripa Tigridis et Euphratis iam mixti castra haberet»), где под стенами города произошло одно из крупнейших сражений этой кампании, о чем подробно пишет только Фест (28. 2). Перед сражением Юлиан, дабы усыпить бдительность врага устроил состязания для своего войска («ludosque campestris, ut hosti sollicitudinem demeret»), а затем «внезапно разместив солдат на корабли, переправил их в середине ночи на противоположный берег» («instructam commeatibus classem per Euphratem invexit» Fest. 28. 2). Вскоре между римлянами и персами завязалось сражение, в котором римские войска одержали победу и могли бы даже вступить «в незащищенные ворота Ктесифона», если бы не жажда добычи охватившая их («apertas Ctesiphontis portas victores intrassent, nisi maior eis praedandi occasio fuisset, quam cura victoriae» Fest. 28. 2). Евтропий, напротив, пишет (X. 16. 1), что Юлиан всего лишь «устроил военный лагерь на продолжительное время у Ктесифона» («castra apud Ctesiphontem stativa aliquamdiu habuit»). Вероятнее всего, что автор «Брeвиария от основания Города» просто исключил битву из своего повествования и описывал уже последующие события.

Отказавшись от штурма столицы Персии Юлиан, по версии историков, решает вернуться назад. Фест пишет (28. 3), что перед возвращением он отдал приказ сжечь все корабли («et exustis navibus») и, ведомый предателем «устремился... дорогой на Мадену» («cum a transfuga, qui se ad fallendum obiecerat, inductus viae in Madaenam compendia sectaretur»). Версию о перебежчике также излагает автор «Эпитом» («он был завлечен в засаду каким-то перебежчиком»; XLIII. 2). Фест при этом уточняет (28. 3), что римское войско двигалось по левому берегу Тигра («dextrum adversa Tigridis ripa»).

Все три автора приводят версию о гибели императора в завязавшейся стычке с персами¹⁹. По словам Феста «когда Юлиан опрометчиво блуждал сквозь полчища [войск], взметнувшийся песок затмил ему обзор, и он был ранен ударом [копья] в живот около паха, неожиданно встретившимся ему вражеским всадником. Посреди потоков крови, он, хотя и раненый, с помощью, восстановил строй своего войска, [и после этого] обратившись с речью к многочисленным своим [друзьям], медленно испустил дух» (28. 3). Безымянный автор «Эпитом» считает, что

¹⁹ Согласно Аммиану Марцеллину он был убит в области Маранга (Amm. Marc. XXV. 1. 11). См. также: Baynes 1937, 22–29.

император «выбежал из поставленного уже лагеря, захватив только щит. Пока он старался с неразумным жаром приготовить ряды воинов к сражению, его ранили дротиком, пущенным кем-то из отступающих врагов. Его внесли в палатку, но он снова вышел, чтобы подбодрить своих (воинов), но, мало-помалу истощенный потерей крови, около полуночи умер...» (XLIII. 2–4). По мнению Евтропия, Юлиан «необдуманно вступил в битву и был убит рукой врага за 6 [дней] до июльских календ на седьмом году правления в возрасте тридцати двух лет и был причислен к богам» (X. 16. 2). Только в тексте «Эпитом из Цезарей» мы встречаем упоминание о предсмертных планах императора, умышленно не давшего «никаких распоряжений относительно (преемника) власти, чтобы—как это обычно бывает при столкновении мнений в большой толпе—не создать опасности для друга от зависти, а для республики—от раздоров в войске» (XLIII. 4).

Римские солдаты, лишившись своего военачальника, избрали из офицерской среды Иовиана. Фест считает (29. 1), что Иовиана выбрали как самого старшего из полководцев для спасения войска оказавшегося в критической ситуации полного окружения врагом («Iovianus proeliis superiorem, sed confusum subita morte amissi imperatoris, suscepit exercitum»). При этом персы всячески препятствовали (Fest. 29. 1) дальнейшему продвижению римского войска («et Persae crebris incursionibus nunc a fronte, nunc a tergo, mediorum quoque latera incursantes, iter agminis morarentur»). Евтропий, напротив, полагает (X. 17. 1), что Иовиан был сразу же выбран войском императором («Post hunc Iovianus, qui tunc domesticus militabat, ad obtinendum imperium consensu exercitus lectus est, commendatione patris militibus quam sua notior»). Несмотря на не очень лестную оценку, которую оба историка дают этому преемнику Юлиана, тому все же удалось спасти армию и заключить с Шапуром мир. Руф Фест (29. 1), видимо исходя из своих пропагандистских и патриотических соображений, пишет, что «настолько было уважение к имени Рима, что персы первыми начали разговор о мире» («Persis prius sermo de pace haberetur»). С точки зрения Евтропия (X. 17. 1) «бесславный» («ignobilem») мир был заключен по необходимости, поскольку «войско страдало от нужды» («exercitu quoque inopia laborante»). Согласно этому мирному договору (Fest. 29. 2) Нисибис и часть Месопотамии передавались персам («ut Nisibis, et pars Mesopotamiae traderentur»). Евтропий считает (X. 17. 1–2), что «такого до этого никогда не случилось почти за тысячу сто восемнадцать лет с тех пор, как было основано Римское государство» («quod ante eum annis mille centum et duobus de viginti fere, ex quo Romanum imperium conditum erat, numquam accidit») и перечисляет случаи, когда римляне «даже прошли под ярмом, чтобы только ничего не отдавать из земель своих» («sub iugum missae sunt, ut nihil tamen finium traderetur»)²⁰.

Таким образом, все авторы писали о римско-персидских войнах III–IV вв. с ярко выраженной национальной гордостью и исходили из идеи абсолютной уверенности в главенстве Рима над всем миром. Причины, по которым Рим захватывает все новые и новые области и государства, не требуют какого-либо подробно-

²⁰ По мнению испанского историка Дж. Алонсо-Нуньеса это историческое отступление Евтропия имеет исключительно риторическую ценность. Оно лишь уточняет негативную позицию автора «Бревиария» по отношению к императору Иовиану и является результатом языческого мировоззрения Евтропия. В данном случае он противопоставляет Иовиана императора-христианина, Юлиану, императору-язычнику. См.: Alonso-Nunez 1981, 386–387.

го объяснения—это просто способ его существования и выживания среди других народов.

Поэтому наиболее часто упоминаемые причины войн—это расширение территории Римского государства и угроза его безопасности. В глазах римских историков IV в., потеря или уступка собственной территории абсолютно недопустимы. Этот принцип является основополагающим во всех их произведениях, и это обстоятельство особо подчеркивается в финале «Бревиария» Евтропия: лучше пройти под ярмом, но «ничего не отдавать из земель своих» (X. 17. 2). Поэтому самый тяжелый упрек адресуется императору Иовиану, лишившего Римскую империю областей на Востоке. Руф Фест пишет (29. 2), что «нам предоставили условия (которые прежде никогда не предоставлялись) вредные для Римского государства», и сам император характеризуется им как неискусный в управлении государством («in imperio rudis adquevit»).

Все рассмотренные исторические сочинения несли определенную политическую и пропагандистскую нагрузку, особо подчеркивая патриотическую тенденцию в официальной историографии, которая была весьма значима для того времени²¹. Поэтому успехов во внешнеполитической деятельности способны достичь только те правители, которые лично ведут военные действия. Таков Александр Север, предпринявший «войну против персов... и одержавший победу с великой славой» (Eutr. VIII. 23), молодой возраст которого приобретает положительные черты в его характеристике (Fest. 22. 1; Aur. Vic. XXIV. 2) и Гордиан, у которого причины побед над парфянами кроются в «пылкой молодости и самоуверенности принцепса» (Fest. 22. 2; см. также: Eutr. IX. 2. 2; Aur. Vic. XXVII. 7; Erit. Caes. XXVII. 1–2). Безопасность и удержание границ Римской империи являются первостепенной задачей, поэтому оправдываются даже узурпаторы законной власти, которые были блестящими полководцами. Это хорошо видно на примере Септимия Одената, правителя Пальмиры, защитившего от персов Сирию и захватившего Месопотамию (Fest. 23. 2; Eutr. IX. 10).

Воюя с персами, римляне всегда сталкиваются со многими препятствиями, которые должны преодолеть, чтобы одержать победу. Победа, как правило, бывает одержана в «грандиозных сражениях» (Fest. 22. 2), с «великой славой» (Eutr. VIII. 23) и «[полученной] свыше по воле богов» (Fest. 24. 2).

Образы персов, в свою очередь, не настолько прямолинейны и однозначны, как этого следовало бы ожидать от «обычной пропагандистской литературы». Руф Фест характеризуя противника римлян, отмечает, что «персы превосходили римлян не только оружием, но и нравами» (25. 3). Однако вышеприведенная фраза носит единичный характер и в большинстве случаев образы персов даются с негативных позиций, как тех, кто постоянно посягает на территории Римского государства. Без сомнения, римские историки учитывали эти обстоятельства и своим описанием многочисленных примеров завоеваний из прошлого Рима приглашали современных им императоров к более агрессивной внешней политике на Востоке. В особенности это касалось Евтропия и Руфа Феста бревиарии которых напрямую были адресованы Валенту II. В конце своего сочинения Руф Фест пишет: «Лишь бы только удачу, [которую] ниспосылают боги и [которая] даруется благо-

²¹ Alonso-Nunez 1981, 386–387.

склонной божественностью, в которую ты веришь и которой ты наделен, была милостива, так чтобы к великой победе одержанной над готами, тебе добавилась еще и пальма мира, [протянутая] Вавилону» (30. 2).

Евтропий и Руф Фест, представляя взгляды сенатской оппозиции, выступают как весьма тенденциозные авторы. Это очевидно в некотором пренебрежении к мирной административной деятельности и преклонении перед завоеваниями и воинской славой, иногда идущим вразрез с исторической действительностью. Историки словно не замечают кризиса Римского государства, его неспособности не только вести активную внешнюю политику, но даже обороняться от постоянных набегов варварских племен, и, видимо, искренне полагают, что причина всех неудач Рима заключается в гражданских войнах и в личной неспособности императоров разумно управлять государством. Здесь нельзя не отметить точку зрения Х. Берда²², который считает, что подобная тенденциозность проистекает из пропагандистской направленности их трудов, поскольку оба автора подробно останавливаются на успехах или неудачах римлян в войне против персов. Таким способом историки весьма осторожно поощряли императора Валента II к более активной внешней политике на востоке, который в то время подготавливал еще одну кампанию против Персии.

ЛИТЕРАТУРА

- Дуров, В.С. 1993: *Художественная историография древнего Рима*. СПб.
- Дмитриев, В.А. 2012: «Ночное сражение» под Сингарой: к вопросу о хронологии военно-политических событий середины IV в. н. э. в Верхней Месопотамии. *ПИФК* 3 (37), 77–86.
- Дмитриев, В.А. 2010: К вопросу о месте и роли «ночного» сражения под Сингарой. *Вестник Военного университета* 3 (23), 87–90.
- Кареев, Д.В. 1999: Образ правителя у историка IV века Евтропия. В сб.: А.З. Чернышева (ред.), *Человек в культуре обществ древности, средневековья и возрождения*. Иваново, 30–42.
- Кареев, Д.В. 2004: *Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания города»*. СПб.
- Кареев, Д.В. 2009: Руф Фест: римский историк IV века. *Вестник Ивановского государственного университета* 3, 21–25.
- Мирзоев, Е.Б. 2016: *Шапур I. Триумф над Римом*. СПб.
- Мочалов, М., Полежаев, Д. 2016: *Держава Сасанидов 224–652 годы*. М.
- Циркин, Ю.Б. 2015: *«Военная анархия» в Римской империи*. СПб.
- Alonso-Nunez, J.M. 1981: Eutrope et la Peninsule Iberique. *Latomus* XL, 386–387.
- Baynes, H. 1937: The death of Julian the Apostate in a Christian Legend. *JRS* 27, 22–29.
- Bird, H.W. 1975: A Reconstruction of the Life and Career of S. Aurelius Victor. *CJ* 70, 49–54.
- Bird, H.W. 1987: Eutropius' Perspective on Roman Emperors. *The Ancient History Bulletin* 6, 139–151.
- Bird, H.W. 1976: Three Fourth-century Issues: A Roman Bureaucrat's Personal Views. *Echos du Monde Classique* 20, 150–151.
- Boer, W. den 1972: *Some minor Roman Historians*. Leiden.
- Bury, J.B. 1896: The date of the battle of Singara. *Byzantinische Zeitschrift* 5, 304–305.

²² Bird 1987, 151.

- Ensslin, W. 1940: Zu Orosius VII, 25, 9 und zum Perserfeldzug des Casars Maximianus Galerius. *Philologische Wochenschrift* 60, 669–671.
- Momigliano, A. 1977: Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A.D. In: *Essays in Ancient and Modern Historiography*. Oxford, 107–126.
- Mosig-Walburg, K. 1999: Zur Schlacht bei Singara. *Historia* 48, 330–384.
- Peeters, P. 1931: L' Intervention politique de Constance II dans la Grande Arménie en 338. *Académie royale de Belgique, Bulletins de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques* 17, 10–47.
- Schmidt, P. 1988: Zu den Epochen der Spätantiken Lateinischen Historiographie. *Philologus* 132, 86–100.
- Schwartz, J. 1971: Autour de l'humiliation de Galère. In: *Historia Augusta Colloquium*. Bonn, 157–163.
- Seston, W. 1940: L' "humiliation" de Galère. *Revue des Etudes Anciennes* 3, 515–519.
- Syme, R. 1968: *Ammianus and the Historia Augusta*. Oxford.

REFERENCES

- Alonso-Nunez, J.M. 1981: Eutrope et la Peninsule Iberique. *Latomus* XL, 386–387.
- Baynes, H. 1937: The death of Julian the Apostate in a Christian Legend. *Journal of Roman Studies* 27, 22–29.
- Bird, H.W. 1975: A Reconstruction of the Life and Career of S. Aurelius Victor. *Classical Journal* 70, 49–54.
- Bird, H.W. 1987: Eutropius' Perspective on Roman Emperors. *The Ancient History Bulletin* 6, 139–151.
- Bird, H.W. 1976: Three Fourth-century Issues: A Roman Bureaucrat's Personal Views. *Echos du Monde Classique* 20, 150–151.
- Boer, W. den 1972: *Some minor Roman Historians*. Leiden.
- Bury, J.B. 1896: The date of the battle of Singara. *Byzantinische Zeitschrift* 5, 304–305.
- Durov, V.S. *Khudozhestvennaya istoriografiya drevnego Rima* [Artistic historiography of ancient Rome]. Saint Petersburg.
- Dmitriev, V.A. 2012: "Nochnoe srazhenie" pod Singaroy: k voprosu o khronologii voenno-politicheskikh sobytiy serediny IV v. n. e. v Verkhney Mesopotamii ["Night battle" at Singara: the question of the chronology of military and political events of the mid-4th century AD in Upper Mesopotamia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3 (37), 77–86.
- Dmitriev, V.A. 2010: K voprosu o meste i roli "nochnogo" srazheniya pod Singaroy [The question of the place and role of the "night" battle of Singara]. *Vestnik Voennogo universiteta* [Bulletin of the Military University] 3 (23), 87–90.
- Ensslin, W. 1940: Zu Orosius VII, 25, 9 und zum Perserfeldzug des Casars Maximianus Galerius. *Philologische Wochenschrift* 60, 669–671.
- Kareev, D.V. 1999: Obraz pravitelya y istorika IV veka Evtropiya [The image of a ruler from the IV century historian Eutropios]. In: A.Z. Chernysheva (red.), *Chelovek v kulture obshchestv drevnosti, srednevekov'ya b v ozhrozhdeniya* [Man in the culture of ancient, medieval and Renaissance societies]. Ivanovo, 30–42.
- Kareev, D.V. 2004: *Pozdnerimskaya istoriografiya pered vyzovom vremeni: Evtropiy i ego "Breviariy ot osnovaniya Goroda"* [Late Roman historiography before the challenge of time: Eutropius and his "Breviary from the Foundation of the city"]. Saint Petersburg.
- Kareev, D.V. 2009: Ruf Fest, rimskiy istorik IV veka [Rufus Festus: Roman historian of the 4th century AD]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Ivanovo state University] 3, 21–25.

- Mirzoev, E.B. 2016: *Shapur I. Triumf nad Rimom* [*Shapur I. Triumph over Rome*]. Saint Petersburg.
- Mochalov, M., Polezhaev, D. 2016: *Derzhava Sasanidov 224–652 gody* [*The power of the Sassanids 224–652*]. Moscow.
- Momigliano, A. 1977: Pagan and Christian Historiography in the Fourth Century A.D. In: *Essays in Ancient and Modern Historiography*. Oxford, 107–126.
- Mosig-Walburg, K. 1999: Zur Schlacht bei Singara. *Historia* 48, 330–384.
- Peeters, P. 1931: L' Intervention politique de Constance II dans la Grande Arménie en 338. *Académie royale de Belgique, Bulletins de la Classe des lettres et des sciences morales et politiques* 17, 10–47.
- Schmidt, P. 1988: Zu den Epochen der Spätantiken Lateinischen Historiographie. *Philologus* 132, 86–100.
- Schwartz, J. 1971: Autour de l'humiliation de Galère. In: *Historia Augusta Colloquium*. Bonn, 157–163.
- Seston, W. 1940: L' "humiliation" de Galère. *Revue des Etudes Anciennes* 3, 515–519.
- Syme, R. 1968: *Ammianus and the Historia Augusta*. Oxford.
- Tsyarkin, Yu.B. 2015: "Voennaya anarkhiya" v Rimskoy imperii ["Military anarchy" in the Roman Empire]. Saint Petersburg.

ROMAN-PERSIAN WARS IN THE INTERPRETATION OF "SMALL" ROMAN HISTORIANS OF THE 4TH CENTURY AD

Dmitriy V. Kareev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia
dima75ru@yadex.ru

Abstract. The article seeks to highlight the initial phase of the military conflict of the Roman Empire and new Persian of the Kingdom from the point of view of the representatives of the so-called "small" pagan historiography of the fourth century AD. Analyzes historical works of Eutropius, Rufius Festus, Sextus Aurelius Victor, author of "Epitome of the Caesars". Their writings drew a summary of the Roman tradition of historical thought by demonstrating the method with a brief and succinct characterizations of historical events. The subjects that most interested readers of their works concerned mainly wars, rulers and the army. Therefore, the most acute problem of historiography of that time was the problem of Rome's foreign policy, especially in its Eastern direction. In breviaria Festus and Eutropius and Aurelius Victor biographies, and author of "Epitome of the Caesars" historical outline of the conflict is stated very consistently, and some of the events we learn only from the texts of these works. The specificity of this literature was in its historical and didactic orientation. Breviary and biography were conceived as a kind of instruction for the Roman emperors, designed to demonstrate on historical examples of the past, how to act rulers in their activities. Historians have shown reception of the short and capacious characteristic of historical events, generally political, and have given a moral and ethical assessment to the main characters of the Roman history. All the authors wrote about the Roman-Persian wars of the 3rd–4th centuries AD, with a strong national pride came from the idea of absolute confidence in the primacy of Rome over the whole world. The reasons why Rome is taking over more and more areas and States do not require any detailed explanation-it is simply a way of its existence and survival among other peoples.

Keywords: Roman Empire, Persia, Eutropius, Rufius Festus, Sextus Aurelius Victor, "small" Roman historiography